

Предисловие

Рубежом в изучении жизни и творчества выдающегося советского историка, академика Милицы Васильевны Нечкиной стали два события: 70- и 75-летний юбилей со дня ее рождения, которые были отмечены выходом двух посвященных ей сборников статей ее коллег-историков¹.

К 80-летию юбилею Милицы Васильевны проводилась конференция «Историографические чтения», состоявшаяся в Воронеже 5–7 февраля 1981 г.²

Кроме многочисленных юбилейных статей в честь М. В. Нечкиной (среди которых можно особо отметить статьи Л. В. Черепнина³, И. И. Минца и Е. Л. Рудницкой⁴), рецензий на ее труды и статей о ней в различных энциклопедиях, публиковались работы, посвященные анализу отдельных сторон творческой деятельности Милицы Васильевны⁵.

Из работ о М. В. Нечкиной, вышедших после смерти историка, упомянем диссертационное исследование А. Н. Гребенкиной⁶ и опубликованный доклад И. Е. Баренбаума⁷.

Библиография опубликованных работ М. В. Нечкиной издавалась неоднократно⁸ и затем вышла в серии «Материалы к биобиблиографии ученых СССР» отдельным изданием⁹.

Начало новой волны интереса к творчеству М. В. Нечкиной обозначили появление статей М. Г. Вандалковской¹⁰, публикация фрагмента воспоминаний Ю. А. Полякова¹¹ и его статья¹², публикация М. Г. Вандалковской и А. А. Чернобаева в рубрике «Мастера русской историографии»¹³.

Казанскому периоду в жизни и творчестве М. В. Нечкиной посвящена статья Е. Л. Рудницкой¹⁴, работы других авторов — ее исследованиям о декабристах¹⁵, о В. О. Ключевском¹⁶. М. В. Нечкиной как историку исторической науки — кандидатская диссертация Е. Ю. Черной¹⁷, первым опытом исследований М. В. Нечкиной в области историографии — статьи Ю. Ф. Иванова¹⁸ и В. В. Тихонова¹⁹. Рецензию на одну из работ Милицы Васильевны опубликовал в свое время Н. Н. Фирсов²⁰. Ее докладу о причинах отсталости России посвящена статья А. М. Дубровского²¹. Опубликованы статьи, характеризующие взаимоотношения М. В. Нечкиной с ее учителем М. Н. Покровским²² и Н. М. Дружинина с М. В. Нечкиной²³. Анализ творческого пути М. В. Нечкиной содержится в ряде работ²⁴. Из интересных работ о М. В. Нечкиной, вышедших сравнительно недавно, следует отметить «литературно-психологический очерк» Я. А. Ярославцева²⁵ и еще ряд публикаций²⁶, в том числе З. А. Исмаиловой²⁷, Е. В. Каменева²⁸, Л. А. Сидоровой²⁹, В. В. Тихонова³⁰.

Был опубликован обзор материалов личного фонда М. В. Нечкиной из Архива РАН³¹, архива семьи Нечкиных, хранящегося в Краснодаре³². Сначала по отдельности были опубликованы личные³³ и деловые³⁴ (по терминологии самой М. В. Нечкиной) дневники, а затем осуществлена их общая публикация³⁵. Предпринимались публикации и писем: как самой М. В. Нечкиной³⁶, так и тех, что были

адресованы ей³⁷, а также другие материалы³⁸. Публиковались письма М. В. Нечкиной к А. В. Евстафьеву³⁹, В. А. Пушкиной⁴⁰, некоторые из писем к А. З. Манфреду⁴¹.

Опубликованное до сей поры о М. В. Нечкиной дает возможность, казалось бы, достаточно подробно воссоздать ее жизненный и творческий путь: как в целом, так и отдельными фрагментами, тем не менее хранящиеся в архивах документальные материалы позволяют не только во многом дополнить известные факты, но и открыть те стороны жизни и творчества Милицы Васильевны, которые и поныне находятся вне поля зрения как специалистов-историков, так и более широкого читателя.

21 мая 1897 г. в Санкт-Петербурге, в семье уроженца г. Осташков Тверской губернии, выпускника химического отделения петербургского Технологического института имп. Николая I Василия Ивановича Нечкина и его жены — выпускницы историко-филологического отделения Высших женских (Бестужевских) курсов Надежды Николаевны Северовой родился сын Борис, а почти два года спустя — 25 (12) февраля 1899 г.⁴² — еще один ребенок, девочка, которую назвали необычным для русского слуха именем Милица. В отличие от своего старшего брата Милицу Нечкину ожидала долгая жизнь и счастливая судьба.

Она родилась на Украине, в г. Нежин Черниговской губернии. В годы детства Милица училась в женской (Екатерининской) гимназии в Ростове-на-Дону, а затем во 2-й женской (Ксенинской) гимназии в Казани (1909–1912). Определяющей вехой в ее жизни стало поступление на историческое отделение историко-филологического факультета Казанского университета, где она училась в 1918–1921 гг. Тогда же Милица Нечкина получила первый опыт самостоятельной научно-исследовательской работы, участвуя в деятельности «Студенческого научно-филологического кружка» при историко-филологическом факультете Казанского государственного университета. 25 апреля 1918 г. она сделала на заседании кружка доклад «Жизнь сказки в устах народа и жизнь впечатлений в психике человека»⁴³, 21 декабря 1918 г. — «Четыре Икара», 2 февраля 1919 г. — «Некоторые приемы творчества в новой поэзии», 30 марта — «Горе от ума» в первом немецком переводе», 18 мая — «О козле отпущения и ослице Балаамовой», 15 июня — «К вопросу о логическом построении народной сказки»⁴⁴. С декабря 1918 г. М. В. Нечкина была секретарем, а с 23 февраля 1919 г. — председателем кружка⁴⁵.

Первоначальные навыки преподавателя Милица Нечкина приобретала, будучи в 1921–1923 гг. лектором по курсу социологии искусства в Казанском художественно-техническом институте (КХТИ) (ныне Казанское художественной училище им. Н. И. Фешина) и по политической экономии и историческому материализму в Казанском политехническом институте, кроме того, в 1920–1922 гг. она являлась «библиотекарем-культурником» политотдела расквартированной в Казани Запасной армии Республики.

Две из ранних опубликованных работ Милицы Нечкиной были посвящены В. О. Ключевскому⁴⁶. Интерес к нему она пронесла через всю жизни и даже встречалась с сыном историка и его ближайшим помощником — Б. В. Ключевским⁴⁷, стремясь разузнать как можно больше о его отце⁴⁸. Оппонентом М. В. Нечкиной

в отношении оценки творческого наследия В. О. Ключевского был ее близкий знакомый историк В. Т. Дитякин, не соглашавшийся с трактовкой М. В. Нечкиной работ В. О. Ключевского как «рубежа», «промежуточного звена» между «двумя периодами развития русской исторической мысли» (буржуазным и марксистским). В. О. Ключевский, по мнению В. Т. Дитякина, «почти последняя вершина буржуазного периода русской историографии»⁴⁹.

Казанский период в биографии Милицы Васильевны продлился до 1923 г., когда она приехала в Москву, с которой будет связана вся ее дальнейшая жизнь. С 29 июня 1923 г. М. В. Нечкина научный сотрудник 2-го разряда, с 26 февраля 1924 г. — 1-го разряда Института истории Ассоциации научно-исследовательских институтов при ФОН 1-го МГУ⁵⁰ (по 1927 г.)⁵¹. Окончательно в Москву Милица Васильевна переехала позже, после смерти отца, скончавшегося в Казани 7 июня 1923 г.⁵², Милица Васильевна приезжала на похороны, а затем вернулась в столицу.

23 ноября 1923 г. состоялась ее первая встреча с М. Н. Покровским у него на квартире⁵³. Ранним утром 25 января 1924 г.⁵⁴ Милица Васильевна снова приехала в Москву, которая с этого времени стала местом ее постоянного проживания. Здесь же она познакомилась и со своим будущим мужем, ставшим спутником всей ее жизни. Милица Нечкина встретила с. Д. А. Эпштейном на рабфаке 1-го МГУ, и 15 августа 1925 г. они поженились, зарегистрировав свой брак во время пребывания в Ялте⁵⁵.

М. В. Нечкина принимала активное участие в деятельности Общества историков-марксистов. Известно, в частности, о выступлении 9 апреля 1926 г. М. В. Нечкиной по докладу Н. А. Рожкова⁵⁶ «К методологии истории промышленных предприятий»⁵⁷. Вообще касаясь темы публичных выступлений М. В. Нечкиной, которых в ее творческой биографии, как и у всякого крупного деятеля науки, было великое множество, уместно вспомнить замечание Л. А. Дербова⁵⁸. Он, будучи и сам мастером слова⁵⁹, относил «кокетливую, острую на язык» Милицу Васильевну к числу тех «прекрасных лекторов и ораторов», каких ему довелось встретить в своей жизни⁶⁰. Ораторский дар, которым она была наделена, конечно, немало способствовал ее популярности, а о растущем авторитете М. В. Нечкиной как специалиста-историка свидетельствует факт публикации ее статьи «Наука русской истории» в юбилейном сборнике, выпущенном к 10-летию Великой Октябрьской социалистической революции⁶¹.

И все же это были годы только начала восхождения Милицы Васильевны к вершинам науки. А. З. Манфред познакомился с М. В. Нечкиной в 1927 г. в РАНИОНе, увидев ее, «совсем молодую, хрупкую, изящную, женственную, внутренне собранную»⁶². Другое впечатление А. З. Манфреда связано с выступлением Милицы Васильевны в конференц-зале дома № 18 на Волхонке на собрании («кажется, это было в связи с вопросом об избрании в состав Академии наук ученых-коммунистов»), когда, среди других выступлений, «вдруг раздался звонкий, чистый, проникновенный голос» Милицы Васильевны, который «приковал внимание»⁶³. Способность ярко и образно говорить органично дополнялась присущим Милице Васильевне литературным даром (об истоках которого речь пойдет позднее). А. З. Манфред, и сам будучи литературно одаренным, особенность

стиля М. В. Нечкиной определял тем, что ее труды — это «историческая художественная проза»⁶⁴.

О М. В. Нечкиной той поры упоминается в воспоминаниях учившегося в 1924–1928 гг. на историческом отделении Института красной профессуры (ИКП) А. Л. Сидорова: «В нашей среде была одна слушательница, ленинградка, довольно миловидная женщина т. Петрова, которая нас сопровождала регулярно. Иногда к ней присоединялась и вторая дама — М. В. Нечкина. Она не была слушательница ИКП, но Михаил Николаевич разрешил ей посещать наши семинары. Опрошение и народничество “казанской помещицы”, так язвительно называл М. Н. Покровский Милицу Васильевну в своей среде, доходило до того, что она вместе с нами ходила в пивную. Помню, что особых симпатий она в нашей среде не вызывала, особенно, когда выяснилось, что в своем изданном в Казани опусе по историографии⁶⁵ ее симпатии были на стороне Струве⁶⁶, а Ленина она отказывалась даже считать ученым. Я далек от мысли, чтобы обыгрывать грех молодости Милицы Васильевны, но впечатление молодости остры и забывать об этом тоже нельзя, тем более что и позднее “Милица” дала не один пример того, что легальный марксизм, как методология, ей много ближе и приятнее, чем революционный марксизм»⁶⁷. Касаясь основной темы научного творчества М. В. Нечкиной, А. Л. Сидоров писал: «Помню, что я серьезно разобрался в полемике Покровского с Кизеветтером⁶⁸ о декабристах. Мои симпатии были на стороне Покровского. После этого я всю жизнь не мог принять критики Нечкиной взглядов Покровского о декабристах»⁶⁹.

Важной вехой в становлении М. В. Нечкиной как будущего научного редактора было ее участие в подготовке выходившей в свет в 1929–1931 гг. «Малой советской энциклопедии», где она являлась редактором отдела русской истории (истории народов СССР) и сама размещала там свои статьи, многие из которых, надо заметить, остались вне поля зрения составителей списков опубликованных трудов Милицы Васильевны.

Личная жизнь Милицы Васильевны отмечена двумя важными событиями. 28 июня 1931 г. состоялась встреча М. В. Нечкиной с приехавшим в Москву старшим братом Борисом, проживавшим с семьей в Харбине, которого она не видела тринадцать лет⁷⁰. Через несколько лет Борис Нечкин будет арестован и расстрелян⁷¹, как и сотни тысяч его соотечественников. Другим событием стал разрыв М. В. Нечкиной с М. Н. Покровским, который произошел буквально накануне смерти академика и был связан с реакцией Михаила Николаевича на опубликованный в газете «Правда» 16 февраля 1932 г. фельетон Г. Е. Рыклина о подготовленной М. В. Нечкиной публикации «Записок декабриста Н. Н. Лорера», о чем сохранилась запись в дневнике Милицы Васильевны от 4 апреля 1932 г.⁷²

Преподавательская деятельность М. В. Нечкиной связана с МГУ: сначала она работала доцентом 2-го МГУ (1925–1930), а затем доцентом (1934–1935) и профессором (1935–1954) исторического факультета МГУ⁷³. О начале ее преподавательской деятельности вспоминала С. В. Житомирская⁷⁴: «Она тогда была еще доцентом, молодой, розовощекой и пухленькой дамочкой, похожей на сусального ангелочка с дореволюционной рождественской открытки. Какую-то сладковатую экзальтированность она вносила и в свои лекции, стремясь эмоционально увлечь

студентов. И достигала обратного результата: мы, юные скептики посмеивались над ней, прозвав «Ковыль шумел»», — потому что в ее рассказах о славянских племенах, а потом об удельных княжествах и татарских набегах время от времени появлялся рефрен: «А ковыль все шумел на необозримых равнинах Руси...»⁷⁵

Параллельно с преподаванием Милица Васильевна трудилась в качестве старшего научного сотрудника в Институте истории Комкадемии при ЦИК СССР (1930–1936), а затем (с 1936 г.) в Институте истории АН СССР. К этому периоду относится один из важных эпизодов ее биографии, повлиявший на дальнейшее направление ее научной деятельности. Летом 1934 г. на даче Е. К. Соколовской (жены брата ее мужа — народного комиссара земледелия СССР Я. А. Эпштейна) «в Сосновке» состоялся разговор М. В. Нечкиной с А. А. Ждановым, давшим ей совет «обязательно писать» учебник по истории СССР⁷⁶.

Наряду с такой темой, как восстание декабристов, в творчестве Милицы Васильевны совершенно органично появляется пушкинская тематика. На заседании Института истории Комкадемии при ЦИК СССР 22 декабря 1935 г. состоялся доклад М. В. Нечкиной «Лев Пушкин и декабристы». В обсуждении приняли участие Д. Д. Благой, А. М. Эфрос и П. С. Дроздов⁷⁷. 30 декабря 1935 г. М. В. Нечкина выступила на дискуссии в Союзе писателей СССР о творчестве А. С. Пушкина в связи с приближающимся 100-летним юбилеем со дня его смерти. Основным требующим разрешения она считала «вопрос о том круге революционности», к которому примыкал А. С. Пушкин⁷⁸.

Укрепление позиций М. В. Нечкиной в науке проявилось в присуждении ей решением Президиума АН СССР от 25 июня 1936 г. степени доктора исторических наук за выдающиеся работы в области исследования движения декабристов⁷⁹. Присуждение степени доктора М. В. Нечкиной, не защищавшей не только докторской, но и даже кандидатской диссертации, выглядело все же авансом, который Милица Васильевна, впрочем, с лихвой возместила трудами по истории движения декабристов последующего периода ее жизни.

Хорошо известно, что ее становление как историка происходило под влиянием школы М. Н. Покровского. Вместе с тем она приняла участие в известном сборнике⁸⁰, ставшем «апофеозом тенденциозного, предвзятого изложения исторических взглядов»⁸¹ М. Н. Покровского. Ее статья, размещенная в сборнике, прошла апробацию на заседании группы истории Отделения общественных наук АН СССР 27 февраля 1938 г., где она сделала доклад: «Крестьянское движение XVII–XVIII вв. Восстания Разина⁸² и Пугачева⁸³ в концепции Покровского»⁸⁴. Справедливости ради надо отметить, что впоследствии она боролась (как и другие ученики М. Н. Покровского — А. Л. Сидоров, С. М. Дубровский, а также сын историка⁸⁵) за реабилитацию М. Н. Покровского⁸⁶, способствовала переизданию его трудов.

На общем собрании сотрудников Института истории АН СССР 25 ноября 1938 г. кандидатура М. В. Нечкиной была выдвинута на избрание в члены-корреспонденты по Отделению истории и философии АН СССР⁸⁷, однако Отделение общественных наук АН СССР 20 января 1939 г. отклонило ее кандидатуру⁸⁸, и это закрыло для нее на целых пятнадцать лет признание в этом качестве. Вместе с тем открылась новая сфера применения ее знаний и сил — уже в качестве научного руководителя. Первым аспирантом М. В. Нечкиной стал С. С. Дмитриев,

защитивший в 1940 г. в МГУ кандидатскую диссертацию по теме «Экономические воззрения славянофилов 1830–1850-х гг.»⁸⁹. Но в личном плане ее положение было не столь благополучным, как могло показаться окружающим. В марте 1940 г. М. В. Нечкина, «в силу каких-то причин», переживала тяжелое психоэмоциональное состояние и даже задумывалась о смерти⁹⁰.

В 1941 г. внимание научной общественности привлекли два выступления М. В. Нечкиной в Отделении истории и философии АН СССР: 12 апреля — сообщение об основных принципах издания «Истории русской общественной мысли»⁹¹, и 24 апреля — доклад «Почему Россия дальше других стран не вступала на путь капиталистического развития»⁹².

Годы Великой Отечественной войны М. В. Нечкина, как и ряд других историков ее поколения и более старшего возраста, провела в эвакуации, работая в 1941–1943 гг. профессором Среднеазиатского государственного университета в Ташкенте. Из сделанного Милицей Васильевной в этот период нужно отметить ее доклад о В. О. Ключевском, с которым она выступила 12 марта 1942 г. в Секторе истории СССР Институт истории АН СССР. На заседании ученого совета Института истории АН СССР 5 мая 1943 г. Милица Васильевна была вновь выдвинута кандидатом в члены-корреспонденты АН СССР (характеристику ей дал сам Б. Д. Греков), но и эта попытка не увенчалась успехом⁹³. Вместе с М. В. Нечкиной на этом заседании были отклонены кандидатуры еще двух историков, намеченных в члены-корреспонденты АН СССР, — С. Н. Валка и Н. П. Грацианского⁹⁴.

В послевоенное время М. В. Нечкина, продолжая преподавать в МГУ, стала работать и в Академии общественных наук при ЦК ВКП(б) (КПСС) в качестве профессора (1946–1958) и заведующей кафедрой истории СССР (1958–1960).

Общественное признание заслуг М. В. Нечкиной выразилось в присуждении ей в 1947 г. звания действительного члена Академии педагогических наук РСФСР. В том же 1947 г. она была выдвинута кандидатом в депутаты Московского областного совета депутатов трудящихся. Ее монография «А. С. Грибоедов и декабристы»⁹⁵ (1947) удостоилась Сталинской премии II степени 1948 г. Впоследствии труды Милицы Васильевны выдвигались на Ленинскую и Государственную премии СССР⁹⁶. Но отношения с отдельными представителями научного мира складывались у Милицы Васильевны совсем непросто. Даже ее первый аспирант С. С. Дмитриев испытывал трудности в общении с ней и записал в своем дневнике 20 февраля 1950 г. (ссылаясь на то, что слышал от И. А. Федосова⁹⁷): «Нечкина так меня невзлюбила за последнее время, что даже и не скрывает ни от кого, крайне резко свои враждебные чувства в отношении меня выражая. Оно и понятно — Б. П. Козьмина она кушает, Н. М. Дружинин “в гроб сходит” после многочисленных ее укусов; я единственный для нее серьезный соперник (с ее дамской точки зрения; сам-то я далек от желания с нею состязаться)»⁹⁸.

27 октября 1952 г., после выступления А. Л. Сидорова на ученом совете Института истории АН СССР с докладом по теме: «Задачи Института истории Академии наук СССР в свете гениального труда И. В. Сталина “Экономические проблемы социализма в СССР” и решений XIX съезда КПСС»⁹⁹, завязалась дискуссия между М. В. Нечкиной и А. Л. Сидоровым «по вопросу о присоединении нерусских народов к России»¹⁰⁰. А. Л. Сидоров отозвался в докладе о статье Милицы Васильевны,

оформленной в виде письма в редакцию журнала «Вопросы истории»¹⁰¹, сказав, что она «фактически обошла вопрос об объективных последствиях присоединения, поставив на первое место проблему культурных связей и иллюстрируя их такими примерами, как знакомство казахского народа с письмом Татьяны к Онегину, отражение в искусстве Палеха грузинских скал, а в творчестве “могучей кучки” — восточных напевов. Результаты общения между народами оказались сведены к тому, что народы “присматривались” друг к другу»¹⁰². М. В. Нечкина же критиковала доклад А. Л. Сидорова за то, что «в нем нет конкретного плана действий, направленных на устранение многочисленных недостатков в работе института»¹⁰³.

Как бы то ни было, проблемы личных взаимоотношений с теми или иными представителями мира науки не мешали Милице Васильевне уверенно и вполне заслуженно идти по пути общественного признания ее научных заслуг и постепенно все более и более раскрывавшихся ее организаторских способностей. В 1953 г. она была избрана член-корреспондентом АН СССР, а в 1958 г. — действительным членом Академии наук СССР. Между этими двумя событиями произошло и другое, не менее значимое — выход в свет двухтомной монографии «Движение декабристов» (1955), ставшей событием в советской исторической науке. «Звание академика, а также обретенные с годами вес и влияние давали большие возможности — их Милица Васильевна использовала *на все сто*. Мощная воля, зоркость глаза, не раз помянутая *систематичность* пришлось тут к месту»¹⁰⁴ — так же, как и «поразительная внутренняя организованность»¹⁰⁵.

Организаторские способности Милицы Васильевны блестяще проявились в руководстве созданной по инициативе академиков В. П. Волгина¹⁰⁶, М. Н. Тихомирова и самой Милицы Васильевны Комиссии (1958–1961) по истории исторической науки¹⁰⁷, в качестве председателя Научного совета по проблеме «История исторической науки» (с 1961 г.)¹⁰⁸ при Отделении исторических наук АН СССР¹⁰⁹. Особо следует отметить ее руководство исследовательской «Группой по изучению революционной ситуации в России конца 50-х — начала 60-х годов XIX в.» при Отделении истории АН СССР (с 1958 г.), о которой последний аспирант Милицы Васильевны — Я. А. Ярославцев писал: «Слаженность действий, энтузиазм, творческая активность, в высшей степени доброжелательная атмосфера — вот “человеческие” и “организационные” ее характеристики». Чрезвычайно плодотворной оказалась сама идея: объединить усилия ученых из разных городов, разных вузов, основанная на возможности «полноценного научного общения» и публикации результатов своих исследований «в серьезном академическом издании»¹¹⁰. Возглавив Группу, Милица Васильевна «одной из первых» оценила изменение общественно-политической обстановки в стране и, что самое главное, «хладнокровно это использовала»¹¹¹.

Первое заседание Группы, состоявшееся 22 января 1958 г., открыл доклад М. В. Нечкиной «Революционная ситуация в России в исходе 1850-х — начале 1860-х годов. (Исследовательская проблематика и основные задачи изучения)»¹¹². Всего в 1958–1965 гг. состоялось 75 заседаний (103 доклада)¹¹³, в которых приняли участие историки из 15 городов страны. Как результат деятельности Группы в 1960–1986 гг. под редакцией М. В. Нечкиной вышло 9 сборников статей под общим названием «Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг.».

Сквозной темой для всего научного творчества Милицы Васильевны стало изучение биографии В. О. Ключевского, итогом которого стало издание монографии о нем¹¹⁴. Кроме общей профессии Милицу Васильевну сближала с великим историком любовь к поэзии. Известно о любви В. О. Ключевского к поэзии А. С. Пушкина и особенно М. Ю. Лермонтова, не только стихи которого, но и проза была близка внутреннему миру Милицы Васильевны. Она сравнивала себя с Печориным, притом «детально»¹¹⁵. Этот литературный образ из лермонтовского «Героя нашего времени», очевидно, воспринимался ей как близкий по своим человеческим качествам.

По мнению общавшегося с ней Я. А. Ярославцева, М. В. Нечкиной была свойственна внутренняя противоречивость натуры, что осознавалось ей как норма: «Многочисленные ученики М[илицы] В[асильевны], к примеру, не только “школы”, но даже более-менее *цельной совокупности* не составили. И мы не дадим голову на отсечение, что подобная комбинация академику не нравилась»¹¹⁶, притом свойственные Милице Васильевне (опять-таки, по мнению Я. А. Ярославцева) мстительность и злопамятство сочетались с умением (когда она хотела) быть таким «удивительно милым представителем науки», что ее ученики Милицу Васильевну «иной не знали»¹¹⁷.

М. В. Нечкина умела произвести неизгладимое впечатление. Это было органичной частью ее облика ученого: «Учеников и слушателей Нечкиной всегда поражали яркость и образность ее лекций»¹¹⁸. «Народные словечки с уст М[илицы] В[асильевны] слетали легко; они ей *шли*»¹¹⁹. В ее беседах с аспирантами, вспоминает Я. А. Ярославцев, «звучали стихи, в том числе — к большому нашему тогдашнему удивлению — религиозным духом пронизанные. В особенности запомнилось “После Всенощной”; видно было, что произведение автору особо дорого»¹²⁰.

Сложность и противоречивость описываемых исторических явлений М. В. Нечкина «показывает через художественные образы, воспринимаемые почти зрительно». Ее источниковедческое мастерство соединяется «с ясностью и доходчивостью исторических построений и изяществом литературного изложения»¹²¹.

М. В. Нечкина обладала «творческой натурой, широкой образованностью, умением видеть перспективы научных разработок». В советской исторической науке она была «возмутителем спокойствия», внося «огромный вклад» в развертывание дискуссий, в частности дискуссии о двух фазах развития феодальной формации — восходящей и нисходящей¹²². При этом она была противником «излишней запрограммированности обсуждений в смысле предсказуемости их итогов». Она говорила «эмоционально, убежденно и вместе с тем неизменно аргументированно и корректно», никогда не боясь остаться в меньшинстве, «никогда не подавляла потерпевших поражение в споре», и «иной раз ее возражения носили прямо-таки изящную форму»¹²³.

Вклад М. В. Нечкиной в историческую науку не измеряется лишь созданными и опубликованными ее трудами, отмеченными даром талантливого исследователя и «тонкого стилиста», значительно расширившими границы в разработке важнейших исследовательских направлений. Сама личность академика Милицы Васильевны Нечкиной с ее «огромным нравственным воздействием, вдохновенным

научным поиском, широтой интересов, высокой интеллектуальной и профессиональной культурой, интеллигентностью»¹²⁴ оказывала и продолжает оказывать влияние на формирование новых поколений тружеников исторической науки. Тем важнее задача раскрыть личность выдающегося отечественного историка во всей ее полноте.

Важное свидетельство о профессиональных и, прежде всего, человеческих качествах М. В. Нечкиной оставил В. А. Дунаевский: «До самой смерти Милицы Васильевны (1985 г.), т. е. практически более 20 лет мне пришлось почти ежедневно работать под ее руководством и я очень много получил от этого выдающегося ученого, хотя не могу сказать, что в наших взаимоотношениях все было столь уж безоблачно. Но когда после написанного на меня доноса за одну из статей (все это кратко изложено в книге «История и сталинизм». М., 1991¹²⁵) уже подготовленная к изданию моя докторская диссертация, после всех мытарств с ее защитой (состоявшейся в 1970 г.¹²⁶) около двух лет пребывала без движения в набранном виде, Милица Васильевна взяла на себя ее редактуру и книга увидела свет¹²⁷»¹²⁸.

Заслуги М. В. Нечкиной были высоко оценены не только теми, кто хорошо знал ее лично, научной общественностью, но и государством. Она была награждена в 1945 г. орденом Трудового Красного Знамени «за выдающиеся заслуги в развитии науки» и медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», орденом Ленина (1953), юбилейной медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина» (1970), орденом Дружбы народов (1975), орденом Ленина «за заслуги в развитии исторической науки, подготовке научных кадров и в связи с восьмидесятилетием со дня рождения» (1981).

С конца 1970-х гг. Милица Васильевна жила со своим мужем Д. А. Эпштейном «более-менее уединенно» и в Институт истории СССР АН СССР «выезжала нечасто», при этом «одевалась скромно, жила без роскоши, — в просторной, впрочем, квартире, с прекрасными книгами и не слишком удобной мебелью»¹²⁹. 25 февраля 1981 г., когда исполнилось 80 лет Милице Васильевне Нечкиной и 60 лет ее научной и общественной деятельности, по просьбе юбиляра официальное ее чествование не проводилось¹³⁰. Последней опубликованной при жизни Милицы Васильевны ее работой стала статья «Лекции в дни войны»¹³¹. Ее обращение, на закате жизни, к периоду своего расцвета, пришедшему на трагический период в истории страны, представляется закономерным.

Скончалась Милица Васильевна Нечкина в Москве 16 мая 1985 г. Архив Милицы Васильевны Нечкиной был передан в Архив АН СССР по ее распоряжению в марте 1985 г. М. Г. Вандалковской¹³² (Ф. 1820 — 940 ед. хр.). Документы фонда были описаны С. В. Копыловой¹³³.

Первую часть сборника составляет переписка М. В. Нечкиной, состоящая из 349 писем за 1923–1984 гг., выявленных в восьми архивохранилищах Москвы и Санкт-Петербурга: АРАН, РГАЛИ, ГА РФ, ЦМАМЛС, ОР РГБ, ОР РНБ, ОПИ ГИМ, РО ИМЛИ. Это письма самой М. В. Нечкиной и ее 113 корреспондентов: М. А. Алпатов, Н. С. Ашукин, О. Д. и Ю. В. Багалей, Н. А. Бакланова,

И. В. Барашков, М. А. Барг, Г. П. Башарин, М. И. Белкина, М. Т. Белявский, Н. Г. Бережков, Л. Г. Бескровный, Н. Н. Болховитинов, В. Д. Бонч-Бруевич, С. Я. Боровой, М. В. Бречкевич, И. У. Будовниц, Э. Н. Бурджалов, Е. Г. Бушканец, С. Н. Валк, Н. Н. Варадинов, Э. С. Виленская, З. Д. и В. А. Виноград, М. В. Волоцкий, С. Я. Гессен, А. Н. Глумов, И. А. Голубцов, И. И. Гордеева, Е. Н. Городецкий, Б. Б. Граве, С. Н. Гурвич, А. М. Деборин, Е. Е. Деньгин, В. Е. Дербина, В. Т. Дитякин, Н. М. Дружинин, С. М. Дубровский, В. А. Дунаевский, А. С. Ерусалимский, М. Н. Захарова, Л. Зеленина, К. Л. Зелинский, Л. Г. Зорин, И. И. Игнатович, В. Т. Илларионов, Б. С. Итенберг, С. Н. Какабадзе, Б. Б. Кафенгауз, А. И. Клибанов, И. Д. Ковальченко, Л. Р. Коган, Б. П. Козьмин, Р. П. Конюшая, А. Г. Кравченко, Л. В. Крестова, А. И. Крушанов, Б. Г. Кубалов, А. К. Лебедев, Ш. М. Левин, И. Г. Лежнев, Д. С. Лихачев, Н. М. Лукин, В. В. и Л. В. Максаковы, А. З. Манфред, И. Н. Медведева-Томашевская, Л. В. Милов, Н. Н. Митрофанов, Н. А. Нарцов, В. С. Нечаева, А. Т. Николаева, А. П. Окладников, В. Н. Орлов, М. И. Панкратьев, В. Т. Пашуто, Ю. И. Пинус, П. И. Подлящук, Ю. А. Поляков, Н. Н. Полянский, Б. Ф. Поршнев, Ф. В. Потемкин, Б. М. Рейнвальд, И. М. Романов, Н. Л. Рубинштейн, Е. Л. Рудницкая, Б. А. Рыбаков, П. Г. Рынзюнский, А. А. Сидоров, Р. Г. Скрынников, В. Б. Сосинский, М. Ф. Субботин, А. К. Тарасенков, В. М. Тарле, С. Л. Тихвинский, М. Н. Тихомиров, А. П. Толстяков, В. Г. Трухановский, А. В. Тюстин, В. Н. Увачан, З. В. Удальцова, Р. А. Ульяновский, О. Д. Форш, Г. В. Хачапуридзе, Л. Ф. Хинкулов, О. С. Ченцова, Я. З. Черняк, Г. П. Шторм, С. Я. Штрайх, П. Е. Щеголев, Н. В. Яковлев, Я. А. Ярославцев, В. К. Яцунский.

Эпистолярное наследие М. В. Нечкиной неоднородно по составу, что естественно: переписка с некоторыми корреспондентами незначительна по объему, писем к другим — наоборот, сохранилось довольно много и за большой хронологический период. Показательна в этом отношении переписка Милицы Васильевны с ленинградским историком, специалистом по истории общественного движения в России XIX в. Ш. М. Левиным. Сохранилось 64 письма М. В. Нечкиной за 1938–1969 гг., большая часть отражает работу над подготовкой учебника «История СССР» тремя изданиями (с 1938 г., с 1944 г., с 1952 г.) и 21 ответное письмо Ш. М. Левина.

Другой подобный пример — переписка М. В. Нечкиной с искусствоведом А. К. Лебедевым¹³⁴. Для публикации выявлено 53 письма из этой переписки. Из содержания самих писем очевидно, что переписка М. В. Нечкиной с А. К. Лебедевым¹³⁵ сохранилась не в полном объеме, часть ее, по-видимому, утрачена¹³⁶. В своем целостном виде она, вероятно, охватывала даже больший период, чем тот, к которому относятся публикуемые письма (1949–1983).

Особенность писем как источника — непосредственность отражения мыслей и чувств автора, и отсюда наибольшая полнота выявления его личности. В этом смысле письма подобны дневникам и отличаются, например, от воспоминаний. Здесь было бы уместным вспомнить, что писала академик М. В. Нечкина в ее предисловии к изданию писем, дневников и афоризмов В. О. Ключевского: «По природе почти любой переписки письма одного человека неизбежно разбросаны по лицу земли — по линиям многих и в разных местах живущих адресатов; они и не могут храниться сосредоточенными в одном архивном пласте...»¹³⁷ Таким образом, перед составителем стояла задача охвата и углубленного изучения целого

ряда архивных пластов, и, хочется надеяться, что с этой задачей он достаточно успешно справился.

Письма публикуются по автографам (кроме специально оговоренных в тексте легенд случаев) в соответствии с современными правилами правописания, при сохранении стилистических особенностей. Сокращения раскрыты в квадратных скобках.

Вторую часть сборника составляет не публиковавшееся ранее (за очень небольшим исключением) поэтическое наследие М. В. Нечкиной. Публикация в одном издании наряду с эпистолярными (по сути, прозаическими) источниками поэзии вполне оправдана. Представление об академике Милице Васильевне Нечкиной никогда не будет полным, а особенности ее стиля и похода к изложению фактического материала не будут объективно оценены, если не осмыслить ее художественное, прежде всего, стихотворное творчество. У М. В. Нечкиной, как мало у кого из профессиональных историков, талант исследователя дополнялся талантом художника слова. Насколько сочетались (или противоречили) друг другу оба эти дарования и как это отражалось на содержании ее научных работ, конечно, предмет для специального исследования. Функция художественного образа в историческом процессе была предметом исследования самой Милицы Васильевны, и появление в последние годы ее жизни сборника ее работ с аналогичным названием было закономерным¹³⁸.

М. В. Нечкина — автор «искренних и чистых стихов». Сама она считала, что в казанский период жизни ее знали как поэта, а вовсе не как историка¹³⁹. А. А. Сванидзе¹⁴⁰, опубликовавшая подборку стихов М. В. Нечкиной¹⁴¹, «не всегда завершенных, но несущих все же следы несомненного таланта и сильных чувств автора»¹⁴², отмечала, что стихи М. В. Нечкина писала «в стиле времени» и они «по-настоящему хорошие»¹⁴³.

Ранний поэтический опыт М. В. Нечкиной — «поэма» «Монах», — написанная ею в десятилетнем возрасте (упоминание о ней встречаем на страницах личного дневника Милицы Нечкиной)¹⁴⁴, положила начало ее разладу с матерью, резко не одобрившей написанное¹⁴⁵. Уже этот эпизод определенно характеризует, что значили стихи в жизни М. В. Нечкиной. Первые стихотворные опыты М. В. Нечкиной (с 1912 г.) встречаются на страницах ее личных дневников¹⁴⁶, хотя о ней как поэте можно говорить, пожалуй, лишь со стихотворения «Это мечь тебе, мечь страдания», написанного «в стиле Ахматовой»¹⁴⁷ 4 апреля 1918 г. и посвященного В. Т. Дитякину¹⁴⁸, как можно судить по ее стихам, первому, кто увлекся ею. Дело не в достоинствах (или недостатках) именно этого стихотворения, просто с этого времени, и это видно по ее личному дневнику за этот год, стихи становятся постоянной формой выражения ее душевных, в значительной степени любовных переживаний. Эти переживания порождали и серьезную поэзию, и то, что рождалось ради отвлечения от грустных мыслей, может быть, ради забавы, хотя и в период душевных тревог и сомнений:

«Маленький чертик цапкий
Карабкается на ствол.
Липнут слабые лапки
В светлых слезках смол.

Белки — молочная пенка
И юрко-черный зрачок
Наткнулся тонкой коленкой
На острый, сухой сучок.

Плачет. Коленке больно.
Слезка жирна и красна.
Скрипя, молчит недовольно
Старая сосна»¹⁴⁹.

Поначалу свое призвание к поэзии она не вполне чувствовала и даже допускала: «Оставляю миру несколько дюжин сумасшедших стихотворений с вольными рифмами и <...> больше ничего»¹⁵⁰. Но затем стихи стали неотъемлемой частью ее внутреннего мира, и так продолжалось весь казанский период ее жизни.

М. В. Нечкина избрала себе литературный псевдоним «Окунь», смысл которого раскрыла в стихотворении, написанном 11 августа 1918 г.:

«Пусть жизнь широка и свободна,
Но “сказкой любви” не чаруй:
Я — окунь живой и холодный
В серебряном блеске чешуй.

Пройдем угрожающий риф мы,
От бурь унесем морских,
Но нет ко мне — окуню — рифмы
В созвучиях мира людских».

Милица Васильевна вообще в молодости любила псевдонимы, они часто встречаются на страницах ее дневников. По этому поводу она писала в одной из дневниковых тетрадей: «Мне всегда страшно неприятно писать фамилию. Выходит сухо, казенно и совсем не то, что хочешь сказать»¹⁵¹.

Увлечение поэзией и историей шли иногда рука об руку. В дневнике М. В. Нечкиной сохранилась любопытная запись: «Ересь альбигойцев сводит меня с ума. Я прямо захлебываюсь этой поразительной историей гонений. Вот, пожалуй, то, что интересует меня просто как факт, как событие, это — ересь и развитие ее. Вчера из-за моего странного состояния мне удалось со страшной жизненной яркостью пережить ужас, охватывавшей жителей при приближении крестоносцев. Осада Тулузы. Петр II Арагонский¹⁵², Раймунд¹⁵³, Симон де Монфор¹⁵⁴ и костры, убийства, резня, пламя горящих городов, и опять костры, костры...»¹⁵⁵ Под впечатлением испытанного одушевления появилось написанное М. В. Нечкиной 28 января 1919 г. стихотворение «Зимний вечер. Уютно. С красненьким бантом...», посвященное памяти П. Отье¹⁵⁶.

Деятельная натура Милицы Васильевны побуждала не замыкаться в кругу своих литературных интересов, а искать себе слушателей и, возможно, единомышленников. В Казани М. В. Нечкина посещала собрания поэтов и любителей

поэзии, которые «очень часто» устраивались в здании Художественного училища (ныне Авиационный институт). Выступая на собраниях, она имела «неизменный успех»¹⁵⁷. Там она, видимо, познакомилась с А. И. Безыменским¹⁵⁸, ее знакомым был П. А. Радимов¹⁵⁹. Предметом увлечения Милицы Нечкиной была, в частности, поэзия И. Ф. Анненского¹⁶⁰. 13 марта 1921 г. она выступила в аудитории Казанского государственного университета с лекцией «О поэзии И. Ф. Анненского»¹⁶¹.

О своих литературных пристрастиях М. В. Нечкина упоминает в одном из стихотворений («Я люблю Флобера¹⁶² и стихи Верхарна^{163»164}). Сохранился ее перевод одного из ее самых любимых стихотворений Э. Верхарна — «Le fléau» («Бич»), сделанный 9 апреля 1920 г.¹⁶⁵, о котором она сама писала: «Перевела “смаху”, в один присест, поэтому многое исправить и заметить просто не было времени — очень торопилась»¹⁶⁶. Это был ее первый опыт перевода.

Свои стихи М. В. Нечкина отправила 1 июля 1921 г. В. Я. Брюсову¹⁶⁷, М. А. Кузмину¹⁶⁸, Л. П. Карсавину¹⁶⁹, А. А. Ахматовой и К. И. Чуковскому¹⁷⁰. В опубликованной части дневника М. А. Кузмина упоминается об отправке им 9 июля 1921 г. ответного письма¹⁷¹.

По крайней мере одно из стихотворений М. В. Нечкиной («Стихи о сером козликe») было известно С. А. Есенину¹⁷², и он часто читал его перед смертью, о чем М. В. Нечкина знала, вероятно, от друга поэта последних лет — В. И. Эрлиха. Самой же Милице Васильевне из собственных стихотворений нравилось «Как приходила любовь», которое, как она с восклицанием отмечала, не нравилось никому, кто знал ее стихи.

В Москве любовь к поэзии отступила, хотя и не исчезла вовсе. Как писала младшая сестра Вера¹⁷³, ее сестра Милица («Миля») «принесла свою поэзию в жертву науке»¹⁷⁴, однако написанные ей стихи М. В. Нечкина помнила до старости и «в минуты одушевления читала их вслух по 2–3 подряд», и вовсе не «красиво, с какой-то особой, свойственной только ей выразительностью»¹⁷⁵, а «просто и спокойно, как опытная чтица», стихи звучали «искренне и безыскусно», при этом к ним давался «конкретно-исторический комментарий»¹⁷⁶. Стихи М. В. Нечкиной были формой выражения как сугубо интимных душевных ее переживаний, так и происходящих с ней событий. В этом смысле ее стихи можно назвать дневником не в меньшей степени, чем те дневники, который она вела¹⁷⁷.

Поэтические строки сопровождали Милицу Васильевну до конца. В ее личном фонде сохранился автограф посвященного ей четверостишия поэтессы Людмилы Татьяничевой¹⁷⁸:

М. В. Нечкиной

«Если другим твоя жизнь нужна,
Это ли не удача!
Пусть же всегда, во все времена
Главенствует самоотдача!»¹⁷⁹

Даже в самый последний период ее жизни, «в безрадостной обстановке больницы палаты», незадолго до смерти, у М. В. Нечкиной оставалась «потребность в стихах, в звучании их рядом с ней... в ней самой...»¹⁸⁰.

В Архиве Российской академии наук в личном фонде М. В. Нечкиной хранятся четыре тетради «Стихотворений Окуня»¹⁸¹, состоявших из произведений 1918–1920 гг. (с 4 апреля 1918 г. по 13 октября 1920 г.) и 12 тетрадней ее «Стихотворений», датированных автором 1919–1922 гг.¹⁸², но включавших и стихотворные произведения более раннего периода (1918 г.). Последним по времени создания из включенных в тетради являлся цикл стихотворений «О старом ключаре», датированный 22 января 1922 г. Последним же сочинением, относящимся к периоду ее постоянной поэтической деятельности, можно считать цикл стихов «О петушином крике», датированный 6 мая 1922 г., который, как и еще два цикла: «Turgis eburnea» (1920) и «Об усталости» (1921), не вошел в составленный ею сборник циклов «Солнце сквозь листья».

Из упомянутых выше 12 тетрадней «Стихотворений» девятая тетрадь состоит из циклов: «Turgis eburnea», «О первом встречном», «Из черной Библии», «Об Иисусе», «В гробу», «Пытки», написанных в 1920–1921 гг.

По поводу появления последнего цикла есть интересная запись в дневниках Милицы Васильевны: «Я все время жалею, что не пишу дневник, когда захочется. Перечитывая, я все время замечаю, что в дневник попадает не главное, не кульминационные пункты, не те выпуклости, по которым ощупью можно было бы восстановить барельеф моей жизни (!).

Несколько дней страшного ужаса и тоски, пережитые мною недавно, отразились в одном странном поэтическом замысле: я задумала написать цикл стихотворений о пытке. Я хорошо знала прежде суть каждой пытки и последовательность, — когда занималась инквизицией. Я это до муки ярко пережила — но вышло не так ярко, как я думала.

Жаль, что не записала их в то время, когда сочинила»¹⁸³.

В десятую тетрадь «Стихотворений» вошла «Книга об ожидании», с посвящением «Моему последнему», состоящая из 13 стихотворений за 1919–1921 гг. Из дневниковой записи М. В. Нечкиной известно, что 16 февраля 1921 г. М. В. Нечкина переписала в отдельное «издание» все стихи, объединенные общим заглавием «Моему последнему»¹⁸⁴. Так, очевидно, было положено начало формированию итогового сборника стихов Милицы Васильевны, впоследствии озаглавленного «Книга об ожидании». Условно промежуточным вариантом этого, итогового сборника можно назвать сборник с тем же названием, хранящийся в РГАЛИ, датированный 1922 г. и состоящий из 21 стихотворения с посвящением «Небывшему»¹⁸⁵. Он был опубликован В. Г. Бухертом и Е. Л. Рудницкой¹⁸⁶.

Тетрадь одиннадцатая «Стихотворений» имеет подзаголовок «На пути к любви» и состоит из 28 стихотворений за 1920–1921 гг. В двенадцатую тетрадь вошла вторая часть циклов: «Келья Смерти» (этот цикл был посвящен профессору Г. Я. Трошину¹⁸⁷, впоследствии высланному из Советской России¹⁸⁸), «Об усталости», «О сердце моем, купине неопалимой», «О мертвой Корделии»¹⁸⁹, «О старом ключаре», написанных в 1921–1922 гг.

1922 г. датирован и рукописный сборник циклов стихотворений М. В. Нечкиной «Солнце сквозь листья»¹⁹⁰, куда были объединены большинство циклов стихотворений Милицы Васильевны. 23 декабря 1922 г. М. В. Нечкина начала новый

цикл, озаглавив его «О зеленом рае и душе моей», но так и не закончила, сохранив его в виде черновика¹⁹¹.

Упомянутый выше итоговый рукописный сборник стихотворений Милицы Васильевны, хранящийся в ее личном фонде в Архиве РАН (Ф. 1820), составленный ею в сентябре 1938 г., включает 110 произведений. В рукопись, помимо стихотворений, «Книги об ожидании», входят и «Три сонета о библейской любви», написанные М. В. Нечкиной в Кисловодске 24 августа 1938 г.¹⁹² В предисловии «От автора» к сборнику М. В. Нечкина упоминает, что один из рукописных сборников стихотворений был у нее украден¹⁹³. По-видимому, имеется в виду сборник «На пути к любви», отсутствующий в личном фонде М. В. Нечкиной.

Основу новой, наиболее полной публикации поэтических произведений М. В. Нечкиной составили стихотворения сборника 1938 г. «Книга об ожидании» и сборника циклов «Солнце сквозь листья». В публикацию включены и другие стихотворения из 12 тетрадей «Стихотворений», не вошедшие в «Книгу об ожидании». По мнению составителя данной публикации, они по своим художественным достоинствам не уступают вошедшим. В публикацию включены также циклы стихотворений «Turris eburnea» («Башня из слоновой кости»), «Об усталости», «О петушином крике», «О Дон Кихоте», отсутствующие в сборнике «Солнце сквозь листья».

В сборнике 1938 г. стихотворения не датированы, датировка почти всех из них произведена составителем настоящего сборника по вышеупомянутым тетрадям «Стихотворений Окуня» и «Стихотворений».

Шесть стихотворений из тех, что вошли в сборник «Книга об ожидании» 1938 г., датировать не удалось: «Мы придуманный призрак лелея и нянча...», «Мужа иль бога мне надо?..», «Капли играют Моцартово рондо...», «О земле горшечника» («Сказано в древней были...»), «Как приходила Любовь» («Рано утром на заре пришла Любовь...»), «Моя душа — пустой дом с разбитыми стеклами...». Ни в тетрадях «Стихотворений Окуня», ни в тетрадях «Стихотворений», ни в личном дневнике их нет. По-видимому, они были написаны позже. Самое позднее из них (если не считать «Три сонета о библейской любви») относится к 11 января 1926 г. (стихотворение «Мой путь за дальнею вершиною»). Тем же годом датирован цикл ее стихов «О Дон Кихоте».

Некоторые из стихотворений навеяны библейскими сюжетами. В связи с этим М. В. Нечкина вспоминала об одном, не лишнем комизма разговоре в книжном магазине на Воскресенской улице — в то время главной улице в Казани:

«Приказчик у прилавка: Как барышня, вы просите Библию? Вы что ж, верующая?

Я: Нет, я историк. Для историка Библия — исторический источник... Надо изучать...

Приказчик: Тогда, — пожалуйста. Как раз издана недавно вновь: 1918 год...

Далее последовали (дома) «циклы» (именно, циклы) стихов на библейские темы¹⁹⁴.

Предлагаемая вниманию читателя публикация — первое достаточно полное воспроизведение основного поэтического наследия М. В. Нечкиной, в том виде, который отвечает замыслу автора, поскольку в основу публикации положен сборник «Книга об ожидании» и сборник циклов стихотворений «Солнце сквозь листья», сформированные самой Милицей Васильевной Нечкиной.

В качестве приложения к сборнику переписки и стихотворений М. В. Нечкиной публикуются: материалы к ее биографии, ее отзывы на либретто оперы «Декабристы», на пьесы С. А. Ермолинского «Грибоедов» и Л. Г. Зорина «Декабристы», на повесть Б. Ш. Окуджавы «Глоток свободы», тексты выступлений М. В. Нечкиной в Институте красной профессуры истории (1937 г.), на научной сессии Института истории АН СССР по теме «Иван Грозный и его время» (1942), на Общем собрании Отделения исторических наук АН СССР (1961), на научной конференции историков, посвященной Международному году женщины (1975). Публикуются также неизданные работы М. В. Нечкиной о Кирилле и Мефодии (1951), статьи: «Проблема Евгения Онегина в движении декабристов», «Женщина и темпы исторического развития», ее размышления об обстоятельствах гибели Н. С. Аллилуевой, предисловие Е. Л. Рудницкой к переписке М. В. Нечкиной с А. К. Лебедевым, письмо М. А. Кузмина от 9 июля 1921 г., адресованное Н. Н. Нечкиной, с характеристикой особенностей поэтического творчества ее дочери, а также отзыв М. В. Нечкиной на изданный сборник стихов Ф. К. Сологуба¹⁹⁵.

Кроме того, составителем тома подготовлен список опубликованных работ М. В. Нечкиной, не вошедших в изданный «хронологический указатель» ее трудов.

В. Г. Бухерт, кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник Архива РАН

Примечания

¹ См.: Проблемы истории общественного движения и историографии. М., 1971. С. 26–45; Проблемы истории общественной мысли и историографии: К 75-летию академика М. В. Нечкиной. М., 1976.

² См.: *Чесноков В. И., Чапкевич Е. И.* «Историографические чтения» в Воронеже // ВИ. 1981. № 3. С. 125–128.

³ *Черетин Л. В.* Академик Милица Васильевна Нечкина (Творческий путь) // Проблемы истории общественного движения и историографии. М., 1971. С. 5–25.

⁴ *Миц И. И., Рудницкая Е. Л.* К творческому портрету академика М. В. Нечкиной // Общественные науки, 1981, № 1, С. 170–176.

⁵ *Никифоров В. Н.* Академик Милица Васильевна Нечкина в изучении истории Востока (К 70-летию со дня рождения) // Народы Азии и Африки. 1971. № 2. С. 227–228; *Миронова И. А., Юхт А. И.* О деятельности М. В. Нечкиной в области археологии и этнографии // АЕ за 1971 год. М., 1972, С. 248–262; *Манфред А. З.* Милица Васильевна Нечкина — мастер исторического повествования // Проблемы истории общественной мысли и историографии: К 75-летию академика М. В. Нечкиной. М., 1976. С. 22–28; *Миллер И. С., Рудницкая Е. Л.* Проблема первой революционной ситуации в России в научном

П Е Р Е П И С К А

№ 1

В. Т. Дитякин¹ — М. В. Нечкиной

24 марта 1923 г.

К сожалению, Милица Васильевна, история с сборником Фирсову² произошла. Я подготовил всю техническую часть, но главный редактор и поставщик важнейших статей (из Москвы и Питера) С. А. Пионтковский³ ничего не сделал. Возвращаю рукопись, которую я, кстати, не читал.

В. Дитякин

АРАН. Ф. 1820 (М. В. Нечкина). Оп. 1. Д. 571. Л. 2.

№ 2

М. В. Нечкина — Н. Г. Бережкову⁴

Москва. 25 июня 1924 г.

Спешу сообщить Вам, Николай Георгиевич, что по постановлению заседания секции социальных знаний Большой [советской] энциклопедии Вам поручена в ней статья «Архивы и архивное дело» на 5500 печатн[ых] знаков. Эта статья входит не в мой словник, а в словник Петра Федоровича Преображенского⁵, с которым Вы и будете вести переговоры относительно аванса, редакции и т. д. По установленным размерам порученная Вам статья — одна из очень крупных. Сдать ее необходимо к 1-му августа.

Какие слова будут предложены Вам в дальнейшем, вероятно, выяснится после сдачи Вами этой статьи.

М. Нечкина

ОР РГБ. Ф. 373 (Н. Г. Бережков). К. 84. Д. 20. Л. 1.

№ 3

М. В. Нечкина — М. В. Волоцкому⁶

Москва. 28 февраля 1925 г.

Многоуважаемый Михаил Васильевич!

Предсмертное письмо, которое Наташа Иванова⁷ писала перед одним из последних отравлений, сейчас подарено мне и находится у меня. Оно довольно длинное — на 6 страницах. Если Вас оно может заинтересовать, то приходите ко

мне в один из вторников или четвергов часов в 11 вечера, чтобы его прочесть или взять на время.

М. Нечкина

РГАЛИ. Ф. 117 (М. В. Волоцкий). Оп. 1. Д. 69. Л. 2.

№ 4

Б. Г. Кубалов⁸ — М. В. Нечкиной

28 апреля 1925 г.

Многоуважаемая Милица Васильевна!

Замешкался и не смог отправить Вам обещанных статей. Отправляю только сегодня ст[атью] Дербиной⁹ о Веденяпине¹⁰ и мою «Кр[естьяне] и декабристы» — духе времени, лицом к деревне. И та, и другая уже печатаются в нашем сборнике¹¹, выйдет к концу июля.

Содержание сборника:

1. Золотарев¹². «Идеалы декабристов».
2. Кубалов. «Крестьянство Вост[очной] Сиб[ири] и декабристы».
3. Азадовский¹³. «Декабристы, как краеведы».
4. Дербина. «Веденяпин в Сибири».
5. Базилевич¹⁴. «Районирование Сибири в проектах декабристов».
6. Кудрявцев¹⁵. «Раевский в Олонках».
7. Гирченко¹⁶. «Декабристы в Прибайкалье».
8. Азадовский. «К иконографии декабристов».
9. Слободский¹⁷ — Библиография.
10. Архив декабристов.

Письма вы, наверное, уже получили, прочли; то, что вас заинтересует в них, пишете — ответу. К этим письмам у меня есть и примечания — они вместе с письмами в Новониколаевске в Сибкра[й]издате, до сих пор не могу никак выцарапать их оттуда и неизвестно, напечатают их или нет.

Что еще нужно вам прислать, неужели перепечатывать дела? Ведь это долго и много их, судя по вашей отметке на листе, что вы мне дали. К сроку вам не закончить. Думаю, что материал в письмах богат и дал вам то, что вы хотели знать о жизни-бытье славян в Сибири. Ведь в основу всех дел положены, главным образом, письма.

Подлинника просимого вами в наших делах нет. Есть упоминание о бунтах в Зерентуйском руднике¹⁸ еще до Сухинова¹⁹, об одном я упомянул в статье «Сибирь и самозванцы»: Сибирские огни, 1924, № 3, стр. 155, там есть и ссылка на дело об этом.

Из наших новинок декабристских сообщаю интересную — нашли портрет Бечасного²⁰ и его жены²¹ — крестьянки, портреты выцвели, но их фотограф обещает сделать хорошо. Возможно, что поместим портрет в Сборник. Влад[имиру] Ивановичу Огородникову²² написал о вас во Владивосток, передал привет ваш.

Из всех историков — он мой ближайший друг. Рад за него. Он получил за свою Сибирскую историю²³ премию 200 р. и переведен в 4-й разряд, что дает, кажется, что-то ежемесячно к окладу. Занятый административной работой — научную не ведет

Иск[ренне] В[аш] Б. Кубалов

Пишите. Друзья из Москвы сообщают, что дело с переводом подвигается, коллегия Центрархива согласилась перевести, нужна чья-то санкция, чья — толком не знаю. Быть может скоро и увидимся.

Б. Кубалов

АРАН. Ф. 1820. Оп. 1. Д. 658. Л. 1 — 2 об.

№ 5

М. В. Нечкина — Б. П. Козьмину

Москва. 13 мая 1925 г.

Благодарю Вас, Борис Павлович, за присылку протокола заседания литер[атурной] секции. Я не могла тот раз быть на заседании, т. к. понедельник и суббота — дни, в которые я до 11 веч[ера] занята по службе. Мне очень хотелось бы, чтобы мой доклад о Зерент[уйском] руднике (полное заглавие «Заговор в Зерентуйском руднике (из жизни декабристов в Сибири — по неизд[анным] документам)»²⁴) был поставлен по возможности скорее.

М. Нечкина

ОР РГБ. Ф. 520 (Б. П. Козьмин). К. 46. Д. 44. Л. 1.

№ 6

М. В. Нечкина — Б. П. Козьмину

Москва. 17 мая 1925 г.

Многоуважаемый Борис Павлович!

Я очень удручена, что заседание литературной секции опять назначено в понедельник. Понедельник и суббота единственные занятые у меня вечера. Следовательно, я опять не могу быть на заседании.

М. Нечкина

ОР РГБ. Ф. 520. К. 46. Д. 44. Л. 2.

№ 7

В. Е. Дербина — М. В. Нечкиной

Иркутск. 30 мая 1925 г.

Многоуважаемая Милица Васильевна!

Из письма вашего к Борису Георгиевичу я узнала о моей ошибке. Статья моя²⁵ — мой первенец — пойдет в печать с 15 июня — до этого времени я имею возможность ее исправить, поэтому убедительно прошу вас не отказать теперь же сообщить мне точные сведения о революционной деятельности Веденяпина Ап[олона], с ссылкой на архив, откуда они взяты. Изложите их своими словами, в статье помечу, что материал получила от вас.

Заранее приношу вам благодарность

Уважающая вас В. Дербина

г. Иркутск

ул. Тимирязева 20. Губархбюро

Научной сотруднице Дербиной.

АРАН. Ф. 1820. Оп. 1. Д. 567. Л. 1.

№ 8

М. В. Нечкина — В. Е. Дербиной

Москва 9 июня 1925 г.

Многоуважаемая Вера Евгеньевна!

Я получила Ваше письмо сегодня утром и спешу ответить на него. Надеюсь, что мои сведения о Веденяпине 1 дойдут к Вам вовремя и не задержат сдачи в печать Вашей работы.

В имеющейся литературе об Обществе Соединенных Славян — Веденяпин 1 ведь его член — кое-что о нем есть, — хотя бы у Довнар-Запольского²⁶ в «Тайном обществе декабристов»²⁷ или в «Записках» Горбачевского²⁸. Но там о нем сообщается чрезвычайно мало — основное необходимо взять из архивного материала. В описи дел декабристов, составленной Павловым-Сильванским²⁹, которой все мы, работающие по декабристам, пользуемся в госархиве, дело Веденяпина 1 (Аполлона Васильевича) значится под № 443. Почти каждому делу декабристов предшествует лист с формулировкой преступления, озаглавливаемой «Сила вины». В деле № 443 это также является первым листом. Вот вам копия (без соблюдения орфографии и пунктуации; это относится и к последующ[им] цитатам).

«Сила вины.

Был членом общества. Цель оною была уничтожение существующего правления и восстановление свободы. Он знал о намерении ввести республиканское правление. Обличается в знании о предположенном цареубийстве двумя (не

Содержание

Предисловие 3

Переписка 29

Стихотворения 1918–1926 гг.

Книга об ожидании 253

Стихотворения, не включенные в сборник «Книга об ожидании» 333

Солнце сквозь листья 347

Циклы стихотворений, не включенные в сборник «Солнце сквозь листья» ... 411

Приложение 441

Список работ М. В. Нечкиной, не вошедших в хронологический указатель
ее трудов 515

Примечания 519

Список сокращений 566

Список опубликованных писем 568

Указатель имен 575

Научное издание

АКАДЕМИК М. В. НЕЧКИНА
Из творческого наследия

Составитель *В. Г. БУХЕРТ*

Корректор *М. А. Иванова*
Оригинал-макет *Л. Е. Голод*
Дизайн обложки *И. А. Тимофеев*

Подписано в печать 08.11.2021. Формат 70×100¹/₁₆.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл.-печ. л. 47,1. Тираж 300 экз. Заказ № 2394

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86

Борис и Милица Нечкины. г. Нежин. 24 августа 1900 г.

Милица Меркина

Книга
об ожидании.

Стихотворения

Москва
1938

Рукопись титульного листа
сборника стихов
«Книга об ожидании»

Легенда
о святой Женеваеве.

В масле урее впитывал неграни.
Тудел под ногами камня
Люди выдвигали за изгородь,
Тритривали масле ругани.

- Не похвалят дикие орды!
Где покажуте?

Справа? Слева?
По улицам святенного города
Проходила святая Женеваева.

И говорила:
"Не бойтесь, люди!"
Сама ласковая и лунная.
"Я буду молиться о чуде
Спасения от свирепых гуннов."

"Трогайт и могайт за вестю
На небе ангельские силы.
Дети, маленькие, не надо плакат,
Мимо пройдет Атила."

116

Люди лобилие усадой:
Слова, ласкающие как росы
И под платком радостно угадывали
Золотые девичьи косы.

И правда - миновали орды,
Не было божьего гнева.
По улицам затихшего города
Проходила святая Женеваева.

37

117

Рукопись стихов

М. В. Нежкина в кабинете. 1956 г.

Я.А. ЯРОСЛАВЦЕВ

МИЛИЦА НЕЧКИНА

Литературно-психологический очерк

Книга Я.А. Ярославцева о М.В. Нечкиной